

ЭТОТ фильм из числа тех симпатичных фильмов для детей, которые и для взрослых тоже. Он сделан на добротной литературной основе, профессионализм чувствуется в плотности и продуманности кадров, в заинтересованном отборе подробностей, амстившихся во второй и третий план. Стремление уйти от прямолинейности заявлено уже в названии — «Птицы над городом». Все, что угодно, согласится, может быть в фильме с таким названием.

В этом фильме есть дети — умные, серьезные, забавные, современные дети, так сказать, Дети, Задающие Трудные Вопросы. Есть точно увиденная и узнаваемая кутерьма перемены на школьном дворе, нестарейший крик: «За одним не гонка!..» Пионерский лагерь, военная игра, любовь в четырнадцать лет и любовь в десять лет (ну, не любовь, неравнодушие!). Есть взрослые, не очень красивые и не очень счастливые, усталые, занятые, в непривычных квартирах. Есть война в неотступных воспоминаниях пожилого героя картины и в ображении его юного друга. Есть, наконец, болезнь и смерть хорошего человека, который успел многому научить пятиклассника Андрюшу...

Фильм, безусловно, добрый, внимательный. Удачный? Пожалуй, особенно если учесть, что для постановщика это дебют.

Но только потому я и взялась, признаюсь, за перо, что дебют и именно этого режиссера!

Свой первый фильм поставил актер Сергей Никоненко. (Производство киностудии имени Горького, сценарий С. Фрейлиха при участии С. Никоненко).

О Никоненко, пожалуй, не скажешь, что он известный актер. Он не проснулся знаменитым после какой-то премьеры, как, например, Ивашов после «Баллады о солдате». Похоже, что на долю Никоненко выпало больше будней кино, чем праздников. Но важно, что ра-

боты его — конечно, не все я видела, но все виденные запомнила — точны, неожиданны.

Одна из его ролей по понятным причинам вызвала у меня особое пристрастие. Никоненко сыграл в гerasимовском фильме «Журналист» моего коллегу, газетчика. Помните Александра Реутова из маленькой районной редакции, куда приезжает столичный корреспондент?

НА ПОЛПУТИ К ОТКРЫТИЮ

Раздумья о дебютах молодых кинорежиссеров

Реутов, сыгранный Никоненко, был неоспоримо газетчиком истинным. Точность и еще раз точность, и ум, и свое отношение к этому образу наполняли игру актера. Он передал сложность и многоплановость будничного состояния своего героя. И его заматанность, и усталость, и напряженную жизнь, происходящую внутри, помимо внешних событий, текучки, суеты, и душевную неустроенность, и мучительные раздумья над мерой собственного таланта...

Передал даже неуловимое и вечное — понятное только людям пишущим — противоборство Реутова со словом. Когда Реутов разговаривал, он словно страдал от несовершенства своих фраз, от того, что мысль, передающаяся ими, теряет точность и неожиданность. Никоненко сыграл рядового газетчика и незаурядного человека, дорогого нам своим душевным беспокойством и живым отношением к жизни.

Не буду останавливаться на других работах этого актера, повторю главное: даже самые скромные, они стремились к открытиям, в них ни разу не было вторичности, эксплуата-

ции какого-то приема. Всегда проба на высшее мастерство, всегда интерес и уважение к личности, которую играешь, всегда неожиданность краски, оттенка, выражения. Все то, что позволяет отличить актера настоящего.

И вот... Поступление на режиссерский факультет, пять лет новой учебы, чтобы прийти в кино теперь уже в новом качестве — режиссером. И, на-

не для того единственно надо в нее идти, а уж переходить тем более, чтобы сказать зрителю нечто сокровенное и так, как не говорил еще до тебя никто? Своим языком, своей системой образов, своим видением действительности, словом, всем, что вместе создает открытие...

Когда подходишь к дебюту нового режиссера с этой мерой, — а почему бы и не под-

ходить с ней, разве не ждем мы, зрители, каждый раз от новой личности в искусстве потрясения, прорыва, разве не надеемся на это, не мечтаем об этом? — ответ-то будет отрицательный. Пусть с оговорками на тот же профессионализм, добротность, акус, благородство и гуманность замысла и на многое другое. Но открытия-то не состоялось!

Вторичность — обидный упрек, который никогда не заслуживал Никоненко. Но что делать, если отпечаток ее легкой тенью лежит на фильме. Вспоминаешь: что-то из виденного было у Митты (только острее и пронзительнее), что-то у Быкова (только изящнее), что-то у Климова (только смелее и смешнее). И чувства наши отзываются на эти повторения знакомыми и, так сказать, «положительными», но, увы, приглушенными эмоциями...

Вправе ли мы предъявлять к дебюту столь строгий счет? Но разве не дебютанты врывались, вламывались, оглушали нас с экрана, скажем, десять лет назад? Пусть спорно, пусть дерзко, не дерзости ли этой сегодня и недостает, а вернее, самобытности, неповторимости, новаторства, идущих от полноты и силы чувств, от не-

удержимого желания сказать свое веское слово о жизни?

И нынешний год нас не обделил дебютами. «С тобой и без тебя» Родюна Нахапетова, «Исполнение желаний» Светланы Дружининой — называю лишь товарищей Никоненко по творческому пути «из актеров в режиссеры». Потому что, повторю, к кому, как не к ним, «перебежчикам» — «из кино» в кино, — особенно вправе мы приложить мерки самые высокие, судить без комплиментов, без скидок: знали, куда шли, знали зачем, так зачем же все-таки! Чтобы убедиться в том, как плодотворен в принципе этот путь, когда он не случаен, выстрадан, достаточно назвать пример Шукшина.

К работам и Нахапетова, и Дружининой тоже можно с чистым сердцем отнести слова о вдумчивости, серьезности, профессионализме. Но снова — открытие-то состоялось? Была ли зрительская взбудораженность и ошеломленность, было ли сказано то сокровенное, что остается с тобой, быть может, на всю жизнь? Увы, пока нет.

Не слишком ли равно и спокойно входят сегодня в кино режиссеры-дебютанты? Может быть, их не смущает, что пока в их ряду «много фамилий — мало имен»? Может быть, их «тактика» надежнее: утвердиться, «акклиматизироваться», чтобы завоевать право голоса, и тогда-то уж выплеснуться и открыться тем самым откровением, сказать правду о себе и о своем — и моем! — поколении тридцатилетних? О наших делах, надеждах и компромиссах, мартовских оттепелях и июльских дождях. И потрясти миллионы. Иначе стоит ли идти в режиссеры?

Есть день и час, но есть и вечность. И о ней, наверно, надо вспоминать почаще.

А пока пожелаем сегодняшним дебютантам успеха, а еще лучше, своей, ни на кого не похожей дороги в искусстве.

В. САГАЛОВА.